

Елена Н. Полякова
Пермский государственный университет

ЯЗЫК ДЕТСКИХ ИГР И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ*

Дети города Перми в конце 30-х — начале 40-х гг. XX в. жили иначе, чем современные пермские дети. Тогда здесь существенно преобладали одно- и двухэтажные дома с коммунальными квартирами, небольшими садами, иногда с огородами и часто закрытыми дворами, в которых были обязательными дровяники (сарай для дров), так как еще не использовали ни газовых, ни электрических плит и лишь в отдельных домах было централизованное горячее водоснабжение. В распоряжении детей разных возрастов (5-12 лет) находилась обширная территория для совместных, коллективных игр, преимущественно очень подвижных. Обычными были такие игры, как *казаки-разбойники* (*казаки ловили разбойников*), *пряталки* (*прятки*), *колдунчики* (*салки*), *лапта*, *круговая лапта*, *волейбол* (для маленьких не через сетку, а в круговую), *классы* и т.д. И все это сопровождалось определенными названиями, присловьями, считалками, дразнилками. Они создавались обычно на основе общерусской лексики, но изредка в них встречались слова, непонятные не только детям, но и взрослым, особенно людям, приехавшим в Пермь из центральных или западных областей России.

Меня привезли в Пермь в возрасте 6 лет, я быстро подружилась со сверстниками, но не всегда понимала, почему употреблялись и что значили непривычные для меня названия: место, где текла река Егошиха, называли не *оврагом*, а *логом*, ключик на крутом берегу этого оврага, куда мы ходили за водой, если она не текла из крана, — *родничком*. Вместо *идти гулять* почему-то говорили *идти бегать в ограде*, хотя гуляли на улице или во дворе, даже если у него не было никакого забора или ограды. *Горку*, с которой катались на санках, называли *катушкой* (катушка в моем

представлении могла быть только для ниток), а игру в куклы (*в дочки-матери*) очень странно называли игрой *в клетку* (почему-то клетка не для птиц или зверей, а для кукол, да и никакой клетки при этом не было). Иногда были и совсем непонятные, загадочные слова, которые нам не могли объяснить, например, название таинственного места *Рестань*.

Так, когда шел дождь, но он был не нужен, его хотели отогнать, прекратить, то распевали:

Дождик, дождик, перестань,

Я поеду на Рестань

Богу молиться,

Христу поклониться.

(И это в 30-е гг., когда шла активная борьба с религией и атеистическое воспитание проходило весьма успешно).

Что это за Рестань такая, куда надо было поехать молиться о прекращении дождя, никто из нас не знал. Слово воспринималось как топоним, называвший какую-то неизвестную местность: то ли реку, то ли гору, то ли край. Наталкивал на такое восприятие незнакомое слово предлог *на*, ср.: *пойти на Каму* ('пойти на берег реки Камы'), *поехать на Белую гору, на Алтай*.

Прошли многие годы, прежде чем я познакомилась с пермскими говорами и простречием уже как лингвист-историк и диалектолог и смогла получить ответы на свои детские вопросы. Однако мои сверстники и наши дети, знающие этот текст, и сейчас не могут ответить, что такое и где находится *Рестань* и почему в далеком детстве мы играли *в клетку*. Данная статья для них и для тех, кому интересна история русской лексики.

Начнем с *Рестани*. Собирая материал для статьи, я обнаружила различные варианты этого непонятого названия, причем в основном с предлогом *в*.

Например:

Дождик, дождик, перестань,

Я поеду в Эристань

Богу молиться,

Христу поклониться.

Я у Бога сирота,

Отворайте ворота

Ключиком, замочиком,

Шелковым платочиком.

Это место в 30-е гг. называлось еще — *Нерестань, Ерестань*, а позднее, в начале 60-х гг., — *Арестань, Берестай* и *Берестань*:

<i>Дождик, дождик, перестань,</i>	<i>Дождик, дождик, перестань,</i>
<i>Мы поедem в Ерестань,</i>	<i>Мы поедem в Берестань.</i>
<i>В Ерестани пусто,</i>	<i>Дождик, дождик, перестань,</i>
<i>Выросла капуста.</i>	<i>Мы поедem в Берестай.</i>

Объяснить все эти названия жители Перми обычно не могут, в лучшем случае отвечая: *Где-то на востоке; Что-то восточное; Место такое особое; Туда надо было ехать молиться...*

И только редкие представители старшего поколения, жившие в детстве в сельской местности, называют на месте непонятного слова географический термин — аппеллятив *рос(с)тань* или *рас(с)тань*:

Дождик, дождик, перестань,
Мы поедem на рос(с)тань
Богу молиться,
Христу поклониться.

Но и они, как правило, не могут точно объяснить, что означает этот аппеллятив, отвечая: *Ну, это всё вокруг нас; Это за околицей; Где-то за деревней; Это где расставание...*

Оказывается, за топоним принимали и принимают очень распространенный в различных русских говорах (и в частности пермских) аппеллятив *росстань* (или его варианты), искаженный в результате забвения его мотивировки и стремления сблизить произношение рифмующихся слов: *перестань* — на *Рестань* [(вместо на *рос(с)тань* или *рас(с)тань*]; в *Нерестань*; в *Арестань*; в *Эрестань*; в *Ерестань*; в *Берестань*, в *Берестай*, а иногда даже — в *Иордань*.

Все варианты этого аппеллятива [*рос(с)тань, рос(с)тань, рос(с)тани, рас(с)тань, рас(с)тань, рас(с)тани*] употреблялись и употребляются в живой речи (в различных говорах, а иногда известны и носителям городской речи) в одном и том же значении — 'место разветвления дорог или перекресток (но за пределами населенного пункта)'. Он отмечается в памятниках, начиная с 1524

г. (Словарь русского языка 1997: 218). В XVII в. слово зафиксировано в текстах, написанных как на северных, так и на южных территориях России, например в "Воронежских межевых книгах": "У дороге столб дубовой, а на нем грань, а от того столба тою же бол(ь)шою Воронежскою дорогою к *ростанем*, что поворачивают в село Чертовицкое, а на *ростанех* у Чертовицкой поворотки столб дубовой" (Словарь русского языка 1997: 218). Отмечается оно и в пермских деловых актах XVII — начала XVIII в., отражающих северно-русские диалектные особенности: "И против де деревни Седы на *ростанях* вышел он Михайло из саней для проведыванья той деревни Седы" (Кунгурская... 1703). В словаре Памвы Берынды, вышедшем в 1627 г., слово церковно-книжного языка *распутие* толкуется словом живой речи *росстань* (Лексикон 1961: 107).

В XIX—XX вв. слово *росстань* отмечается словарями литературного языка с пометой *областное* (Толковый словарь... 1935-1940: т. 3, 1388; Словарь современного... 1948-1965: т. 12, 1474), его используют в художественной литературе Д.Н.Мамин-Сибиряк, М.М.Пришвин, А.Н.Толстой и другие писатели, оно фиксируется многими диалектными словарями и сводным "Словарем русских народных говоров" на очень широкой территории с ударением на разных слогах (*росстань, ростань* (Словарь русских... 2001: вып. 35, 193)), с разными гласными в первом слоге (*росстань, расстань* (Словарь русских... 2001: вып. 34, 226)), в форме ед. и мн. числа (*росстани, ростани, расстани, растани*) с одним и тем же значением. В говорах (преимущественно южно-русских и сибирских) отмечаются в том же значении аппеллятивы с присоединенными суффиксами: *растанки, расстанье, растанье, расстаник, расстанище, расстанок, растанки, расстанушки, расстанюшки, расстаня, росташь* (Словарь русских... 2001: вып. 34, 35). Территориальные пометы при этих словах охватывают говоры всей территории России: от архангельских до курских, орловских, воронежских и от олонекских, смоленских до колымских. Но в сводном словаре только с пометой *пермское* слово *росстань* отмечается под 1854

г. в интересующем нас тексте, правда, с некоторыми лексическими изменениями:

Дождик, дождик, перестань,

Мы поедем на росстань

Богу молиться,

Царю поклониться.

В пермских диалектных материалах, которые накапливаются в Лаборатории лингвистического краеведения Пермского государственного университета для словаря географических терминов, содержится большое количество цитат с апеллятивами *расстань* (*Я налево, а ты направо, так и называли — расстань; Потом развилка — распутье дорог, Сосуновская расстань называется*), *расстани* (*На расстанях дороги расходятся в разные стороны, раньше мы девками в святки на расстани ходили гадать*), *росстани* (*Росстани, где две дороги пересекаются, на все четыре стороны идут; На росстанях ворожат*), *ростани* (*Ростани на перекрестке дорог, отворот от основной дороги в сторону*), *росстань* (*Девками бегали ворожить на росстань*), *росстань* (*В детстве во время дожджа мы кричали: дожджык, дожджык, перестань, мы поедем на росстань*). Слово *росстань* из русских говоров пришло в коми-пермяцкий (Коми-пермяцко-русский словарь 1985: 408) и в коми-зырянский языки (*ростань*) (Сравнительный словарь 1961: 323). Но апеллятивов, в которых появились бы новые суффиксы, в пермских русских и коми говорах не отмечено.

Уже в глубокой древности в жизни людей большую роль играли дороги. Они были путями связи племен, а затем постоянных жителей отдельных территорий, торговыми путями, тропами в отдаленные от жилья охотничьи и рыболовные угодья. Дороги обустроивали переходами через болота, наводя гати, через реки, обозначая место брода или сооружая мосты. Важно было обозначить и направление путей, отходящих от перекрестка или развилки дороги. Поэтому на распутье (росстани) клали камень (позднее на крупных торговых путях ставили каменный крест) или ставили столб, на котором нередко обозначали направление к определен-

ному пункту. Видимо, именно такой дубовый столб с гранью (т.е. с зарубкой или зарубками) упоминается в процитированном выше воронежском документе XVII в.

Воспоминание о камнях на перекрестках путей сохранили сказки, в которых герой, доехав до разветвления дороги, видел камень с надписью: *Направо пойдешь — коня потеряешь, налево пойдешь — голову потеряешь, прямо пойдешь...* Замечательным памятником такой ситуации является известная картина В.М.Васнецова "Витязь на распутье", на которой мы видим витязя на коне, остановившегося у подобного камня. Голова витязя опущена, и его копьё опущено, он в глубоком раздумье, а на камне видна надпись:

Какъ прямо ѣхати

живу не бывати

нѣтъ пути

ни проѣзжему

ни прохожему

ни пролетному.

У камня кости погибших, черные вороны, предвещающие гибель, уходящая вдаль дорога уже плохо просматривается, так как почти заросла, а незаросшая дорога видна слева. Все напоминает слова русской былины: *И раздумался старый Илья Муромец, Илья Муромец, сын Иванович, да в которую дороженьку будет ехать* (Лазуко 1990: 35).

Развилка дороги (росстань) была местом принятия решения не просто о дальнем пути, но нередко о ходе всей последующей жизни. Память об этом сохранялась в обычае ходить на росстань *ворожить, гадать, слушать, слушаться*, с какой стороны ждать жениха, или по услышанному звуку определять, что ждет в будущем. Постепенно этот древний, идущий из языческих времен обычай совместился с православной, церковной культурой, и *ворожить (слушать, слушаться)* ходили обычно в святки: *На росстань в святки садились, ожегом круг очертишь и слушаешь, чѣ где брякнет* (Прокошева 2002: 319); *На росстань ходили девки слушаться* (Вишерская старина 2002: 10).

Иногда на росстанях стоял столб с иконкой, покрытой сверху от дождя двускатной узкой крышей. Там можно было помолиться перед дальней дорогой, попросить о чем-то Бога. Видимо, в древние времена возник и обычай ходить на росстань просить о прекращении дождя или, наоборот, о дожде в засуху либо об усилении слабого дождя:

Дождик, дождик, нуще,

Дам тебе гуца,

Дам тебе ложку,

Хлебай понемножку.

Эту песенку мы тоже распевали в детстве, когда шел теплый и несильный дождь, не очень понимая, что такое *гуца*. В нашем представлении это был какой-то очень густой суп или жидкая каша, которую можно хлебать.

Слово *гуца* фиксируется словарями русского литературного языка без территориальных или стилистических помет в значении 'густой отстой, осадок в жидкости' с иллюстрациями: *квасная гуца* (Словарь современного... 1992: т. 3, 400), *кофейная гуца* (Толковый словарь... 1935-1940: т. 1, 1642). Но оно отмечается и в говорах с различными диалектными значениями: 'закваска для теста', 'каша из ячменя', 'щи с ячменем', 'суп из гороха', 'хорошо приправленное густое кушанье' (Словарь русских... 1972: вып. 7, 251). В пермских диалектах *гуца* — 'пиво' (Словарь русских... 1972: вып. 7, 251), 'слабый алкогольный напиток, брага' (Словарь пермских говоров 2000-2002: т. 1, 195). Так что пермяки "угощали" дождик скорее всего именно таким праздничным напитком.

Любопытно в этом тексте и слово *нуще* 'сильнее, больше', которое квалифицировали в словарях литературного языка либо как просторечное (Толковый словарь... 1935-1940: т. 3, 1082), либо как устаревшее и разговорное (Словарь современного... 1948-1965: т. 11, 1779). В пермских говорах отмечают и такие его значения, как 'крепче' (*Нуще держи ее, а то упадет*) 'лучше' (*Орина нуще песни знат*), 'дольше' (*Нуще в девках живишь*) (Словарь пермских говоров 2000-2002: т. 2, 250). И в детской песенке о дожде его призывали, видимо, идти сильнее и дольше.

Еще одно слово из языка детских игр, на котором стоит остановиться, — *клетка* в названии игры в куклы. Дети 30-х годов, *игравшие в клетку*, и тогда, и сейчас не могут объяснить, откуда это название, хотя подробно объясняют, что устраивали домик, в котором должны были жить куклы, их одевали, баюкали, с ними играли, им делали игрушечную мебель, шили одежды, готовили "понарошку" еду из песка, глины, листиков, цветов и т.д. И при этом все отмечали, что никакой клетки в современном понимании ('закрытое помещение для птиц и других животных со стенками из железных или деревянных прутьев' (Словарь современного... 1948-1965: т. 5, 1019)) не было.

Слова *клетка* в названии игры восходит к слову *клеть* — 'четырёхугольный бревенчатый сруб; особое помещение для хранения имущества при избе или отдельно от нее, кладовая' (Словарь современного... 1948-1965: т. 5, 1022). Клетки, как свидетельствуют пермские памятники письменности, строились в Прикамье издавна. Это были срубные постройки без печи и окон, но с небольшими прорезями в стене для проветривания и света, закрывавшимися при необходимости доской. Они либо располагались отдельно от изб, либо соединялись с ними мостом (т.е. мостками, чтобы удобнее было переходить из избы в клеть в снежную и дождливую погоду) или сенями (мостом, обшитым стенами и покрытым крышей). И сейчас в говорах и просторечии некоторых городов Прикамья сени называют еще *мостом*. Клетки предназначались для хранения различного имущества и нередко строились большими — в двух или даже трех уровнях (этажах), например, в кунгурских памятниках 1704-1701 гг. читаем: *Клѣть о дву жирах* ['этажах'], *в исподнем* ['нижнем'] *жиру в дву закромах ярицы* ['яровой пшеницы'] *по смете четвертей з дватцать*; *Клѣть на погребу о два жира, в верхней клѣти пожитков ево зипун сермяжной, кожан телятинной* (Словарь пермских памятников 1993-2001: вып. 2, 155). В помещении на нижнем этаже хранили продукты, на верхнем — различное имущество. Летом в клетки иногда спали, туда отсылали маленьких ребятшек играть в плохую погоду. В общем, это было

хозяйственное помещение, но в случае необходимости оно использовалось и как жилое.

И дети, играя в куклы и имитируя жизнь взрослых, тоже строили себе клеть, только маленькую, называвшуюся с помощью уменьшительного суффикса –к(а) *клеткой*.

В городах 30-х гг. клетки отсутствовали, связь слова *клетка* с их названием была утеряна, но по традиции оно долго еще употреблялось в наименовании детской игры и его помнят современные бабушки.

При сборе материала для данного исследования были опрошены люди разных поколений, а именно: 1) бывшие детьми в 30-е гг., 2) их сыновья и дочери, бывшие детьми в 60-е гг., 3) внуки, т.е. люди, бывшие детьми в середине 80-х гг. XX в. В результате оказалось возможным проследить динамику употребления изучаемых слов в региональных (пермских) текстах.

Слово *росстань* (и его варианты), попавшее в пермское городское просторечие, видимо, еще в XIX в., забывается, в 30-е гг. в детской песенке от него образованы рифмующиеся и уже непонятные слова (*Нерестань, Ерестань, Берестань* и др.), которые объясняют как имена собственные. Вспомнить тогда и сейчас старое слово *росстань* могут только приехавшие в Пермь, выросшие в сельской местности, но уже далеко не все из них могут объяснить, что оно значит.

Многие выросшие в Перми дети 60-х гг. помнят песенку о дожде, но знают только слова, образованные от термина *росстань*, и воспринимают их как неясный топоним. Дети 80-х гг. не знают ни песенки, ни слова *росстань*, ни образований от него.

Похожая картина наблюдается и в употреблении названия игры *в клетку*. Оно употреблялось в Перми в 30-е гг., его заменили названием *в домик* (*в домики*) уже не знающие об игре *в клетку* в 60-е гг., и *в дом, в дочки-матери* — в 80-е гг. Но в отдельных случаях современные двадцатилетние девушки вспоминали, что их бабушки, когда внуки играли в куклы, почему-то называли это игрой *в клетку*, но не могли объяснить, почему именно так было принято называть ее во времена их детства.

Никто из опрошенных не мог точно определить, что значит слово *гуца* в песенке о дожде, но всем оказалось понятным слово *пуца*, хотя его квалифицировали как 'неправильное', 'нелитературное', 'какое-то очень старое', т.е. буквально в соответствии со словарями литературного языка.

Причин изменений в употреблении или исчезновения из детской речи отдельных слов много: воздействие литературного языка, изучаемого в школе, речи образованных родителей, в 40-е гг. речи большого количества детей, попавших во время Великой Отечественной войны в Пермь в эвакуацию из городов западных и южных районов Советского Союза, увеличивающийся разрыв в речи городского и сельского населения, разрушение многих пермских говоров в связи со стремительным исчезновением значительного числа деревень и стремлением переехавших в город говорить "по-городскому" и т.д.

Изменения в детской речи особенно усиливаются в последние 10-15 лет, когда исчезают или уже исчезли многие коллективные игры (в связи с изменениями условий городской жизни). Так, на протяжении многих десятилетий можно было наблюдать, как на тротуарах, где только что стоял снег или лед, появлялись начерченные мелом *классы* — особым образом организованные клеточки для игры, в которых дети (чаще девочки) прыгали по определенным правилам. В этом году в Перми я уже нигде не увидела ни одного из таких *классов*. Очень мощное воздействие на игры детей оказывают новые игрушки (конечно, игра *в клетку* и кукла Барби несовместимы), телевизионные "мультки" (часто не российские, отражающие нерусский менталитет), очень агрессивная и лингвистически убогая реклама, компьютерные игры. Все это ведет к изменениям в лексике языка младшего поколения горожан, что не может не отразиться на будущей городской речи людей, в настоящее время являющихся детьми.

Таким образом, язык детских игр, лексика, фиксируемая в разные эпохи в определенном регионе дает основание для рассмотрения проблем исторической и региональной лексикологии различных эпох.

Галина И. Соловьева

Пермский государственный университет

ПРОСПЕКТИВНЫЕ И РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ РАЗВЕРНУТЫЕ ВАРИАТИВНЫЕ ПОВТОРЫ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТЕКСТЕ

Как известно, вопрос о статусе научно-популярных текстов до сих пор является дискуссионным (Стилистический энциклопедический словарь 2003: 237). Следует ли считать научно-популярную разновидность речи самостоятельным стилем или это подстиль научного функционального стиля? Мы, вслед за М.Н.Кожинной, И.Р.Гальпериным, М.П.Сенкевич, О.Д.Митрофановой, Т.А.Тимофеевой, Р.А.Будаговым, Н.М.Разинкиной, Л.А.Баташевой и некоторыми другими учеными, относим данное явление к вариантной разновидности научного функционального стиля. Аргументированно доказывает этот тезис М.Н.Кожина (Кожина 1966). Об этом же свидетельствуют, в частности, и факты аналогичного научному стилю использования проблемных ситуаций, в качестве важного конструктивного элемента смысловой структуры и композиции научно-популярного текста (Соловьева 2003). Представляется, что еще одним аргументом в защиту положения о подстилевом (по отношению к научному стилю) характере научно-популярной литературы могут служить и наблюдения за функционированием в данной разновидности текстов перспективных и ретроспективных развернутых вариативных повторов (РВП). Выбор для анализа именно этих двух подвидов РВП обусловлен тем обстоятельством, что "ретроспективно-перспективное развитие является закономерным для научного текста, выражающим его стилиевую специфику" (Кожина, Чиговская 2001: 150).

Данная статья посвящена определению роли и места РВП проспекции и ретроспекции, особенностей их использования и экспликации в научно-популярных текстах. В данной статье мы ограничимся рассмотрением поверхностного уровня категорий ретрос-